

2.

От «ранних» диалогов к «Филебу»

Юрий Шичалин

Заметки к Платоновым *Апологии, Менексену и Пиру*

1. Три ранних датированных текста Платоновского корпуса — речи

Первые тексты, написанные и опубликованные Платоном, относятся к жанру речи: *Апология* — судебная речь; затем — политическая речь из *Менексена*; три эпидиктические (парадоксальные) речи из *Федра*; наконец, в составе *Пира* — семь эпидиктических речей (энкомииев). Датировка *Федра* вызывает много споров, но у нас есть некоторые основания для абсолютной датировки остальных трех текстов, что очень важно, поскольку тем самым мы получаем возможность говорить о жанровых предпочтениях Платона-литератора в определенный период.

А именно, *Апологию*, самый ранний опубликованный Платоном текст, разумно датировать концом 90-х: вероятнее всего, в ней следует видеть реакцию Платона на *Обвинение Сократа*, написанное софистом Поликратом в 393 году, и на комедию Аристофана *Женщины в народном собрании*, поставленную в 392 году. Речь из *Менексена* написана Платоном как отклик на Анталкидов, или Царский мир, заключенный в 386 году. *Пир* написан вскоре

после взятия спартанцами Мантинеи и расселения аркадцев в 385 году.

Датировка этих диалогов опирается на вполне устойчивый консенсус исследователей Платона¹. Что касается *Федра*, то три его речи, на мой взгляд, написаны после *Менексена* и до *Пира*; но в силу указанной спорности его датировки, а также весьма сложной структуры, я в данном случае не рассматриваю его².

2. В *Апологии*, *Менексене* и *Пире* нет диалектики как науки

Похоже, что *Пир* — последний платоновский текст, где жанр речи увлекает Платона как таковой; в то же время здесь образ Сократа еще не связан с искусственным владением диалектикой³ и эристикой⁴, то есть с культивированной и рефлектированной процедурой ведения беседы или спора. Термин *диалектика* придуман

¹ Едва ли серьезным резоном относить *Пир* к первой половине 70-х может служить рассуждение Федра о государстве или войске, состоящем из влюбленных (178d4–179a8), на том основании, что т.н. Священный отряд в Фивах был создан незадолго до 378 года (ср. Platon. *Le Banquet / Traduction inédite, introduction et notes par Luc Brisson*. Paris: GF Flammarion, 1990. P. 14): Плутарх, рассказывающий об этом отряде в *Пелопиде*, начинает соответствующую тему словами ἔνοιαι δέ φασιν, прямо цитирует *Федра* Платона (18.6.2) и имеет в виду *Пир* (*Pelop.* 18.3.3, ср. *Symp.* 178e3–179a2).

² Я предполагаю, что в Платон в 80-е годы опубликовал только две первые речи из *Федра* и, возможно, некий первоначальный вариант второй речи Сократа. Точно так же, на мой взгляд, только часть *Горгия* продумывалась и создавалась в 80-е: после многочисленных переделок диалог *Горгий* был опубликован значительно позднее. Платон начинал писать оба текста, еще не владея техникой пересказанного диалога и будучи вполне увлечен речами. Разумеется, все эти положения требуют специального рассмотрения и обоснования, какие не могут быть представлены в этой статье.

³ Resp. 534e4: ἡ διαλεκτικὴ ἡμῖν ἐπάνω κεῖσθαι, κτλ.; 536d5–6: Τὰ... τοίνυν λογισμῶν τε καὶ γεωμετριῶν καὶ πάσης τῆς προπαιδείας, ἦν τῆς διαλεκτικῆς δεῖ προπαιδευθῆναι, κτλ.; ср. 532b5: ...διαλεκτικὴν ταύτην τὴν πορείαν καλεῖς; 533c7: ἡ διαλεκτικὴ μέθοδος.

⁴ Возможно, «эристика» — софистический термин, но скорее всего он также придуман Платоном в середине 70-х (ср. *Euthyd.* 272b10: τῆς ἐριστικῆς sc. σοφίας); в конце 60-х–начале 50-х входит в обиход школы (ср. *Soph.* 226a2: ἐριστικῆς τέχνης; *ibid.* 231e2: τὴν ἐριστικὴν τέχνην).

и дважды использован Платоном при написании *Государства* едва ли раньше середины 70-х (см. *Resp.* VII 534e3, 536d6); но в *Пире* методическая оснащенность проводимых рассуждений еще не стала предметом специального интереса, и в этом *Пир* вполне совпадает с *Апологией* и речью из *Менексена*.

2.1. Диалектика в *Апологии*

Все случаи употребления форм глагола διαλέγεσθαι в *Апологии* (19d3, 19d5, 21a5, 33a8–9, 38a4, 41c3) не позволяют предположить, будто Платон хотя бы намекает на техническую искушенность своего Сократа в искусстве рассуждений: основная установка Платона в *Апологии* не позволяла ему рисовать образ Сократа, искушенного в красноречии, поскольку Сократ *Апологии* ничего не знает и прежде всего не умеет говорить; но и помимо этого мы видим, что Платона в *Апологии* гораздо больше занимает то, что исследует и доказывает Сократ (мнимую мудрость мнимых мудрецов и подлинную мудрость одного только Бога), а не то, как он это делает, — именно поэтому ни одна процедура проверки мудрости не изображена.

Когда Платон готовил *Апологию* к публикации и хотел дать яркий и убедительный ответ Поликрату, его гораздо более занимала собственно литературная задача: написать судебную речь не хуже речей известных логографов, уже научившихся подражать речам простецов, впервые столкнувшихся с необходимостью публично выступать в суде; поэтому хотя Сократ в *Апологии* и говорит о своей риторической неискушенности, сама *Апология* представляет собой блестательное литературное произведение, причем не в последнюю очередь как раз благодаря тому, что Платон весьма искусно создал образ Сократа, неискушенного в ораторском искусстве.

Впрочем, в *Апологии*, то есть в рамках судебной речи, Платон дает также два примера того, как Сократ задавал вопросы: таковы разговор с Каллием о необходимости воспитывать сыновей и разговор с Мелетом, воспроизведенный Платоном в силу то-

го, что афинское судопроизводство позволяло ответчику задать вопросы обвинителю.

В беседе с Каллием о его сыновьях (20a4–b9) Сократ по личной инициативе делает именно то, чем *ex officio* занимались софисты, а именно, показывает необходимость учить детей: он не очень деликатно, но вполне выразительно сравнивает их с жеребятами и телятами, но в результате выясняется, что Каллий и без вразумления со стороны Сократа уже нанял для своих сыновей заезжего софиста Эвена с Пароса, так что для проведения пропагандических процедур у Сократа нет повода.

Вопросы к Мелету, на мой взгляд, ярко демонстрируют иронию Сократа и его остроумие, но никак не обнаруживают некой специальной техники, позволяющей выделить из *Апологии* данный пассаж как не соответствующий судебной речи: Сократ обвиняет своего обвинителя Мелета в том, в чем обвинитель Мелет обвиняет его (24c4–5), ссылается на невероятность того, что утверждает обвинитель (25b7–c1; 25d8–e6), обнаруживает неправильную оценку обвинителем своих действий (25e6–26a1), указывает на необоснованность вызова в суд (26a2–7), ссылается на то, что выдвинутые обвинения относятся к другому человеку (26d6), показывает, что обвинитель не уважает суд и смеется над ним (27a7) и что у обвинителя отсутствуют свидетели (34a3–6). Усмотреть в этом пассаже отражение некоего продуманного и разработанного для школы сократического метода, на мой взгляд, никак нельзя.

2.2. Эленхос в *Апологии*

В частности, необходимо отметить, что слова ἔλεγχος и ἔλέγχειν в *Апологии* также еще не являются терминами, а используются в своих обычных значениях: ἔλεγχος — «проверка», «отчет», а ἔλέγχειν — «проверять», «требовать отчета». В силу невероятной популярности этой темы у современных исследователей⁵ рассмотрим все релевантные контексты, чтобы убедиться в этом.

⁵ Очень подробно, со ссылками на соответствующую литературу, рассмат-

18d4–6: Сократ называет тех, кто клеветнически обвинял его из зависти, и тех, кто им поверил, совершенно недосягаемыми: их нельзя вызвать в суд и проверить их обвинения, так что ему, защищаясь, приходится сражаться с тенями требовать отчета в отсутствие ответчика (οὐδὲ γὰρ ἀναβιβάσασθαι οἶόν τ’ ἐστὶν αὐτῶν ἔνταυθοῖ οὐδ’ ἐλέγξαι οὐδένα, ἀλλ’ ἀνάγκη ἀτεχνῶς ὥσπερ σκιαμάχειν ἀπολογούμενόν τε καὶ ἐλέγχειν μηδενὸς ἀποκρινομένου).

21b9–c1: узнав об оракуле, назвавшем его мудрейшим, Сократ пришел к одному из тех, кто казался мудрым, — не для того, чтобы изобличить этого казавшегося мудрым человека, а чтобы проверить оракул (ώς... ἐλέγξων τὸ μαντεῖον), указав на того, кто мудрее его.

22a7–8: Сократу пришлось потрудиться, чтобы оракул не остался без проверки (ἴνα μοι καὶ ἀνέλεγκτος ἡ μαντεία γένοιτο).

39c7: осудившие Сократа на смерть надеются избавиться от необходимости давать отчет о своей жизни (διδόναι ἐλεγχον τοῦ βίου).

ридает эленхос в *Апологии* и у Платона вообще, а также в греческом языке, в судопроизводстве, софиистике и философии Люк Бриссон в своем введении к переводу *Апологии* (Platon. *Apologie de Socrate. Criton / Traduction inédite, introduction et notes par Luc Brisson. Paris: GF Flammarion, 1997*². P. 68–73). Бриссон находит в *Апологии* новую концепцию эленхос-опровержения, в точности соответствующего определению эленхос в *Софисте* (р. 70–71), что вполне согласуется с подходом Робинсона (ср. ниже сноска 12). Но мне не кажется сколько-нибудь корректным рассматривать *Апологию* исходя из *Софиста*, да еще на том основании, что, мол, Платон сознательно отразил в *Софисте* ситуацию V века и дал понять, что уже Сократ, его современники и предшественники использовали этот метод (р. 71). Кстати сказать, Платон пользуется глаголом ἐλέγχειν в его обычном значении «проверки» и после «Софиста», где софистическое и философское понимание этого термина рассмотрено им наиболее подробно. Рассуждая в *Законах* о средстве проверять трусость и храбрость граждан, Афинянин советует проверять их в состоянии аффекта (Legg. 648b8: ἐλέγχων ἐν τοῖς παθήμασι); возможность ввести обычай сисситий для женщин вызывает недоверие, хотя это подтверждено на деле (839d1: ἐλεγχθὲν δ’ ἔργῳ); запись предписаний относительно законов всегда будет подтверждать правильность их толкования (891a1–2: ...ἐν γράμμασι τεθέντα, ώς δώσοντα εἰς πάντα χρόνον ἐλεγχον); граждане должны изобличать поддельные товары (917d4–5: μὴ ἐλέγχων... ἐλέγξας) — разумеется, не с помощью эленктического метода.

При непредвзятом подходе к приведенным фрагментам, я думаю, совершенно очевидно, что в них отсутствует некое специально «сократическое», школьное, техническое употребление слов ἔλεγχος и ἔλέγχειν в смысле изобличения некорректности некоего утверждения с целью убедить собеседника исправиться, осознав свою неправоту. Но есть еще два контекста, на которых нужно остановиться специально. А именно, Сократ обращается к афинянам и призывает их заботиться о разуме и истине, а также о том, чтобы душа у них была как можно лучше; а ежели кто скажет, что он и так заботится, того, говорит Сократ, «я не отпущу сразу, и не уйду от него, поговорю с ним, и расспрошу его и проверю, и если в результате я решу, что добродетели у него нет, а он говорит, что есть, я побраню его...»⁶.

Последовательность «поговорю, расспрошу и проверю» совершенно естественна для того образа, который рисует Платон в *Апологии*: образа заботливого старшего брата или отца⁷; в отличие от той концепции проверки, которую позднее будет развита в Академии, эленхос в *Апологии* не содержит самого главного: проверять не того или иного человека (или оракул), а проводимое рассуждение⁸. Вот почему в *Хармиде* (середина 370-х) так возмущается Критий, упрекающий Сократа в том, что он нару-

⁶ *Ibid.* 29e4–30a1: οὐκ εὐθὺς ἀφήσω αὐτὸν οὐδ’ ἄπειψι, ἀλλ’ ἐρήσομαι αὐτὸν καὶ ἔξετάσω καὶ ἔλέγξω, καὶ ἔάν μοι μὴ δοκῇ κεκτῆσθαι ἀρετήν, φάναι δέ, ὄνειδιῶ, κτλ.

⁷ *Ibid.* 31b4–5: ίδίᾳ ἐκάστῳ προσιόντα ὕσπερ πατέρα ἢ ἀδελφὸν πρεσβύτερον πείθοντα ἐπιψελεῖσθαι ἀρετῆς.

⁸ О необходимости проверять разного рода учения в *Федоне* (конец 80-х) выразительно говорит Симмий (85b10–d4), подчеркивающий, что точного знания (τὸ σαφὲς εἰδέναι) в этой жизни достичь нельзя, но упорно проверяя разного рода учения (τὰ λεγόμενα... παντὶ τρόπῳ ἔλέγχειν), нужно выбрать самое неопровергимое (δυσεξελεγκτότατον) и с его помощью плыть по жизни, если уж не удается найти для самого надежного и безопасного плавания самого прочного корабля: некоего божественного учения (λόγου θείου τινός). Отметим, что здесь Платон последователен, и его Сократ доверяет мифу значительно больше, чем проводимым доказательствам, хотя и не отказывается от них. Таким образом, еще и здесь Платон не предполагает некой хорошо известной платным учителям софистам процедуры проверки собеседника с целью его дальнейшего обращения к обучению в некой школе, а представление о «самом неопровер-

шает собственное правило и проверяет его, Крития, а не то, чему посвящено проводимое рассуждение⁹. К этой установке Сократа в тогдашней Академии привыкли, потому что уже в *Протагоре* (середина – вторая половина 80-х) Сократ подчеркивает, что ему безразлично, придерживается отвечающий того или иного мнения или нет: Сократ исследует само рассуждение, хотя иной раз попутно он исследует и себя, вопрошающего, и того, кто отвечает¹⁰.

Но *Апология* была первой платоновской публикацией, то есть первым текстом Платона, который вышел за пределы аристократического клуба, где Платон мог излагать все что угодно, в частности, свои концепции государства, придавая им тем самым публичный характер. Сократ *Апологии* еще никак не может придерживаться той установки, которая появляется у Платона значительно позднее, потому что он занят принципиально иным: он проверяет оракул и, разумеется, убеждается в его истинности. Заметим также, что относительно ремесленников Сократ заранее уверен, что они знают много хорошего¹¹, и вообще нельзя не заметить, что Сократ *Апологии* далек от интеллектуалистского сnobизма, практически целиком сосредоточен на этической проблематике и подчеркнуто демократичен: он, в частности, убежден, что люди попроще обладают большей разумностью¹². И мы видим также, что проверки Сократа еще не несут пропагандистской функции, которую эленхос впервые будет выполнять в *Хармиде*, развитом рамочном диалоге, написанном в уже функционирующей Академии не ранее 70-х годов.

жимом» учении выдает известную наивность не только Симмия, но и самого Платона.

⁹ *Charm.* 166c5–6: ἐμὲ... ἐπιχειρεῖς ἐλέγχειν, ἔάσας περὶ οὗ ὁ λόγος ἐστίν.

¹⁰ *Prot.* 333c6–9: οὐδέν μοι διαφέρει, ἐὰν μόνον σύ γε ἀποκρίνῃ, εἴτ' οὖν δοκεῖ σοι ταῦτα εἴτε μή· τὸν γὰρ λόγον ἔγωγε μάλιστα ἐξετάζω, συμβαίνει μέντοι ἵσως καὶ ἐμὲ τὸν ἐρωτῶντα καὶ τὸν ἀποκρινόμενον ἐξετάζεσθαι.

¹¹ *Apol.* 22d2: πολλὰ καὶ καλὰ ἐπισταμένους.

¹² *Ibid.* 22a5–6: ἄλλοι... δοκοῦντες φαυλότεροι ἐπιεικέστεροι εἰναι ἄνδρες πρὸς τὸ φρονίμως ἔχειν.

Помимо этого Сократу по существу нет необходимости проверять себя и свои поступки, потому что все, что он делает, внушено ему богом, который не лжет и постоянно — в том числе и во время процесса — его опекает. И хотя Сократ говорит, что бог предписал ему жить, занимаясь философией и исследованием себя и других¹³, но результат исследования себя состоит в признании своего незнания и потому исключает проверку неких логических процедур; точно так же Сократ остается в уверенности, что в течение всей жизни вел себя достойно. Знание собственного незнания не мешает Сократу утверждать, что он всегда говорит правду и что он — пусть на самую малость — мудрее любого другого, что он сопоставим с героями, павшими под Троей, в частности, с Ахиллом, что он правильно ведет свою защиту и заслуживает бесплатных обедов в пританее... За всеми этими рассуждениями нет того, что будет служить весьма значимым фоном для платоновских диалогов более позднего времени: школы и постоянных занятий, требующих определенной методики и готовности по всей форме отвечать за сделанные утверждения.

Поэтому когда Сократ говорит, что после его казни у афинян будет много «проверяльщиков» (39d1: οἱ ἐλέγχοντες), которых он до сих пор сдерживал, за этим словом также нельзя усмотреть некий технический смысл: Сократ *Апологии* весьма убедительно говорит о том, что он никогда никого и ничему не учил, поэтому Платон не мог иметь в виду под «проверяльщиками» армию вышколенных «сократиков», вооруженных электическим методом, который разработал их учитель. Из *Апологии* ясно, что прежде всего это молодые люди из богатых семейств, располагающие досугом для такого рода баловства (23c2–3: οἱ νέοι... οἵ μάλιστα σχολή ἔστιν, οἱ τῶν πλουσιωτάτων).

О том, что ἐλέγχος и ἐλέγχειν для Платона в *Апологии* не термины, можно судить еще и потому, что он наряду с ними в самых ответственных местах, то есть при рассказе о проверке, использу-

¹³ *Ibid.* 28e4–6: τοῦ δὲ θεοῦ τάπτοντος... φιλοσοφοῦντά με δεῖν ζῆν καὶ ἐξετάζοντα ἐμαυτὸν καὶ τοὺς ἄλλους.

зует в качестве синонимов другие слова и выражения. Вознамерившись проверить оракул (21c1: ἐλέγξων τὸ μαντεῖον), Сократ рассматривает (21c3–4: διασκοπῶν... τοῦτον... πρὸς ὅν... σκοπῶν) некоего политика и пытается показать ему (21c7–8: ἐπειρώμην αὐτῷ δεικνύναι), что он мнимый мудрец; но и оракул, который Сократ только что проверял, он чуть ниже рассматривает (21e6: σκοποῦντι τὸν χρησμὸν), а людей — исследует (22a4: ζητοῦντι); поэтов Сократ начинает расспрашивать о смысле их произведений (22d4: διηρώτων ἀν αὐτοὺς τί λέγοιεν), и он уверен, что ремесленники знают много хорошего (22d1–2: τούτους δέ γ' ἥδη ὅτι εύρήσομεν πολλὰ καὶ καλὰ ἐπισταμένους); в целом о своих испытательных трудах Сократ говорит как о некоем исследовании (22e6: ἐκ ταυτῆσι δὴ τῆς ἐξετάσεως; ср. 23c4–5: ...ἐξεταζομένων τῶν ἀνθρώπων... ἐπιχειροῦσιν ἄλλους ἐξετάζειν).

Итак, еще раз подчеркну: в *Апологии* мы не сталкиваемся даже с намеком на эленхос как на развитую школьную процедуру опровержения некоего утверждения, проводимого, в частности, с целью обратить опровергаемого собеседника к философии.

2.3. Диалектика и эленхос в *Менексене* и *Пире*

Итак, мы во всяком случае видим, что в *Апологии* эленхос еще не употребляется Платоном в техническом смысле, то есть как существеннейшая часть диалектики, и что сама «диалектика» здесь отсутствует¹⁴; но этого нет и в двух других рассматривае-

¹⁴ Вот почему при чтении сделавшей эпоху книги R. Robinson. *Plato's Earlier Dialectic*. Oxford: Clarendon Press, 1953² (первое издание вышло в 1942 году), где во второй главе специально рассматривается эленхос, у меня возникает странное впечатление. Робинсон, в частности, анализирует три пассажа, где Платон дает что-то вроде общего обсуждения целей эленктической процедуры: в *Меноне*, *Софисте* и *Апологии*. *Апология* рассматривается последней, и практически все, чем был нагружен эленхос в *Меноне* (начало 60-х) и *Софисте* (50-е), переносится на *Апологию*. Робинсон, правда, справедливо отмечает, что в *Апологии* Сократ считает своей целью не обучение (intellectual education), а моральное совершенствование; но это не мешает ему заключать о «парадоксальном интеллектуализме практической философии Платона и, ясное дело, также и истори-

мых нами более поздних текстах. А именно, в *Менексене* о диалектике нет ни слова, ἔλεγχος отсутствует; ἔλεγχος в *Пире* употребляется единственный раз, и здесь его также никак нельзя считать термином: Алкивиад говорит, что никто никогда не видел Сократа пьяным, чему и нынешний пир послужит проверкой (*Symp.* 220a6: ἔλεγχος ἐσεσθαι). Тот же Алкивиад предлагает Сократу изобличить его, если он в рассказе отклонится от истины (217b2–3: εἰ ψεύδομαι, Σώκρατες, ἔξέλεγχε).

В *Пире*, как и в *Апологии*, Платон не употребляет и глагол διαλέγεσθαι в техническом значении: здесь διαλέγεσθαι означает обычный разговор, дружескую беседу, светскую болтовню. 174d4: Сократ и Аристодем беседуют по дороге к дому Агафона; 181a2 дает выразительный ряд: пить, петь, болтать (ἢ πίνειν ἢ αὐδεῖν ἢ διαλέγεσθαι); 183c5–6: отцы не позволяют сыновьям болтать с поклонниками (οἱ πατέρες τοῖς ἑρωμένοις μὴ ἐῶσι διαλέγεσθαι τοῖς ἑρασταῖς); 194d3–4: Сократ охотно беседует со всяким, особенно с красавцами; 194d7–e3: Федр призывает Агафона и Сократа сначала воздать хвалу Эроту, а там болтать; 213b1–2: Алкивиад не дает Сократу поболтать ни с одним красавцем; 217b3–7: оставшись наедине с Сократом, Алкивиад решил, что тот заговорит

ческого Сократа» (the paradoxical intellectualism of the practical philosophy of Plato, and apparently also of the historical Socrates), в силу чего «практика добродетели тождественна с ее теорией» (the practice of virtue is identical with the theory of it). Школьный характер разработки эленахтической процедуры в *Меноне* и *Софисте* никак не отмечен Робинсоном и переносится на исторического Сократа. Использование разрозненных текстов из разных по времени, цели и жанру диалогов позволяет сделать красивый вывод: «Так эленахс сменяется диалектикой, отрицание утверждением, педагогика исследованием, мораль наукой» («Thus elenchus changes into dialectic, the negative into the positive, pedagogy into discovery, morality into science»). Но, похоже, реальная картина была несколько иной: открытая Платоном в 70-е годы диалектика провоцирует развитие в его школе эленахтической техники и появление апоретических диалогов; божественное в своих истоках знание дополняется пониманием невозможности что-нибудь доказать; эротическая педагогика замещается этической, моральная ответственность индивидуума — жесткой системой всеохватного законодательства, а то, чем всю жизнь занимался Платон и что считал философией, — все это с появлением Аристотеля раз и навсегда лишается научного статуса.

с ним как влюбленный с любимцем, а тот поговорил как обычно и ушел; 217d4: но другой раз, говорит Алкивиад, я непрерывно болтал с Сократом до самой ночи ($\deltaιελεγόμην \grave{α}εὶ πόρρω τῶν νυκτῶν$). Только последнее употребление нашего глагола, когда Сократ беседует с Агафоном и Аристофаном (223c6: $\tauὸν οὖν Σωκράτῃ αὐτοῖς διαλέγεσθαι$), разумеется, имеет в виду некое проводимое Сократом рассуждение о том, что подлинный поэт должен уметь писать и комедии, и трагедии: тем самым Платон сообщил нам тему рассуждения, но как оно проводилось, сонный Аристодем не рассыпал, и мы об этом ничего не знаем.

2.4. В Апологии и *Пире* истина дана Сократу вне диалектических процедур: сила Сократа — не в вопросах, а в речах и поведении

Конечно, можно усмотреть эленический момент в вопросах Сократа к Агафону о природе Эрота, в результате которых Агафон признает, что всякий любящий лишен того, что он любит, и пр. (199c3 слл.). Но совершенно очевидно, что Платон в *Пире* видит силу Сократа не в логической искушенности, а в том, что ему неким образом известна истина.

Платон в *Пире* дважды говорит о манере Сократа застывать в неком размышлении: Аристодем объясняет участникам пира, что есть у Сократа такая привычка, отойти и неподвижно стать, где придется¹⁵. На непродолжительное время Сократ застывает в начале диалога (175c4–5); из рассказа Алкивиада о походе на Потидею мы узнаем, что Сократ, погрузившись в свои мысли, мог неподвижно простоять весь день и всю ночь до рассвета¹⁶. По-видимому, Платону важно подчеркнуть, что размышления Сократа не обязательно связаны с беседой: истина дается ему каким-то иным способом¹⁷. И когда Агафон отказывается спо-

¹⁵ *Symp.* 175b1–2: $\varepsilon\thetaος γάρ τι τοῦτ' ἔχει· ἐνίοτε ἀποστὰς ὅποι ἀν τύχῃ ἔστηκεν.$

¹⁶ *Ibid.* 220c3–d5: $\sigmaυννοήσας... ἔωθέν τι εἰστήκει σκοπῶν, καὶ... ζητῶν. καὶ φροντίζων... μέχρι ἔως ἐγένετο καὶ ἥλιος ἀνέσχεν· ἔπειτα ὄχετ’ ἀπιών προσευξάμενος τῷ ἥλιῳ.$

¹⁷ Мы, разумеется, можем сказать, что душа Сократа в этот момент беседует сама с собой, но только Платон ничего об этом не говорит.

рить с Сократом, Сократ отвечает, что нельзя спорить¹⁸ с истиной, тогда как спорить с Сократом совсем несложно (201c6–9).

И обратим внимание еще вот на что. Алкивиада Сократ покорил не сбивающими с толку вопросами, а некими речами¹⁹, которые своим воздействием превосходили речи Перикла и прочих достойных ораторов²⁰. Но еще более Алкивиад у Платона был задет даже не речами Сократа²¹, а тем, что Сократ молча пренебрег его цветущей красотой. Как и в *Апологии*, Сократ в *Пире* ведет себя как отец и старший брат²², обманывая тем самым ожидания Алкивиада.

3. В *Пире* Платон вступает в состязание с софистами, авторами эпидиктических речей, Поликратом и Эсхином

Насколько при написании *Апологии* Платон уверенно чувствовал себя в жанре судебной речи — стихии логографов, а в *Менексене* — в жанре политического красноречия, стихии риторов, настолько же в *Пире* (а также в речах *Федра*) он чувствует в себе избыток сил для состязания с софистами. Платон-писатель, подражая лучшим образцам (Лисию в *Апологии*, речи Перикла в *Менексене*, Исократу во второй речи *Федра*, Горгию в речи Агафона из *Пира*), охотно и с невероятной легкостью соперничает с ними; он чувствует свое превосходство над самыми известными писателями, в том числе над сочинителями эпидиктических речей, из которых он упоминает о «достойнейшем Продике», написавшем

¹⁸ Обратим внимание на то, что Платон употребил здесь глагол ἀντιλέγειν, который уже давно — начиная по крайней мере с Протагора — стал термином, обозначающим один из жанров софистического упражнения.

¹⁹ *Symp.* 215c7: ψυλοῖς λόγοις, 215e2–3: ἢ τε καρδίᾳ πηδᾶ καὶ δάκρυα ἐκχεῖται ύπὸ τῶν λόγων τῶν τούτου.

²⁰ *Ibid.* 215d3–6: ἐπειδὴν... σοῦ τις ἀκούῃ ἢ τῶν σῶν λόγων ἄλλου λέγοντος, καν πάνυ φαῦλος ἢ ὁ λέγων, ἔαντε γυνὴ ἀκούῃ ἔαντε ἀνήρ ἔαντε μειράκιον, ἐκπεπληγμένοι ἐσμὲν καὶ κατεχόμεθα.

²¹ *Ibid.* 219b4–5: οὐδ’ ἐπιτρέψας τούτῳ εἰπεῖν οὐδὲν ἔτι.

²² *Ibid.* 219d1–2: μετὰ πατρὸς... ἢ ἀδελφοῦ πρεσβυτέρου; ср. уже цитированный выше текст *Apol.* 31b4–5: ὥσπερ πατέρα ἢ ἀδελφὸν πρεσβύτερον.

в прозе похвалу Гераклу (177b1–4), и еще о неком «мудром муже», восхвалившем полезные свойства соли (177b5–c1). Под этим последним обычно понимают Поликрата.

3.1. Обвинение Сократа Поликрата и речь Алкивиада в Пире Платона

Именно против Поликрата²³, автора *Обвинения Сократа и Похвального слова Бузирису*, написана Платонова *Апология и Бузирис* Исократа; можно предположить, что его же Платон имел в виду в *Горгии* (Gorg. 484b1–c3) или во всяком случае цитировал один с ним пассаж из Пиндаря²⁴. Но также и для *Пира* Поликрат важен потому, что интерес к теме отношений Сократа и Алкивиада, вероятно, был спровоцирован им.

Создав *Апологию*, Платон откликнулся на одно из главных утверждений Поликрата: Критий, дядя Платона, стоявший во главе ненавистного для афинских демократов олигархического режима, а также Алкивиад были учениками Сократа, и поэтому на Сократе лежит вина за те преступления против Афин, которые они совершили. Исократ в *Бузирисе* упрекал Поликрата в том, что, мол, никто не слышал, чтобы Алкивиад учился у Сократа²⁵. Платон в *Апологии* показывает, что Сократ вообще не был ничьим учителем: этому препятствовало его собственное незнание, то единственное, что он твердо знал. Таким образом, эта тема Сократова незнания в *Апологии* Платона на фоне Поликрата совершенно понятна и оправданна, но об отношениях Сократа и Алкивиада в *Апологии* речи не идет, тогда как в *Пире* это одна из важнейших тем.

²³ См. статью P. Treves. Polykrates (Rhetor) // PWRE XLII Halbb. 1952. Sp. 1736–1752; ср. также сводку о Поликрате в кн.: Niall Livingstone. A Commentary on Isocrates' *Busiris*. Leiden: Brill, 2001 (*Mnemosyne Suppl.* 223). P. 28–40.

²⁴ Ср. изложение этого вопроса у Доддса (Plato. *Gorgias* / A Revised Text with Introduction and Commentary. Oxford University Press, 1959. P. 28, 271–272); ср. Niall Livingstone. Op. cit. P. 34–35.

²⁵ Isocr. Bus. 5.9–13: Σωκράτους κατηγορεῖν ἐπιχειρήσας, ὥσπερ ἐγκωμιάσαι βουλόμενος Ἀλκιβιάδην ἔδωκας αὐτῷ μαθητὴν, ὃν ὑπ’ ἐκείνου μὲν οὐδεὶς ἥσθετο παιδευόμενον, ὅτι δὲ πολὺ διήνεγκε τῶν Ἑλλήνων, ἀπαντες ἀν όμολογήσειαν.

А именно, здесь мы находим описанную Алкивиадом историю его отношений с Сократом, причем Алкивиад сам говорит о себе как о поклоннике (έραστής) Сократа. Речь Алкивиада — один из важнейших эпизодов *Пира*, причем этот эпизод, на наш взгляд, также содержит отклики на Поликратово *Обвинение Сократа*. Рассмотрим некоторые детали этого эпизода.

В отличие от прочих участников *Пира* Алкивиад произносит похвальную речь не Эроту, а Сократу, то есть уже в самом выборе жанра спорит с Поликратом. Описав, сколь сильно на него воздействуют речи Сократа, Алкивиад уверяет присутствующих, что на самом деле никто из них не знает Сократа, и что он, Алкивиад, намерен его разоблачить: разоблачение касается прежде всего отношения Сократа к юношам, в которых он неизменно влюблен, для чего Алкивиад намерен поведать, как себя вел Сократ, когда они оставались наедине²⁶. Алкивиад у Платона подчеркивает, что этот рассказ предназначен только для близких Сократу людей, для тех, кто так же, как и сам Алкивиад, подвергся сократовым чарам²⁷. Искусство Платона делает появление этой темы естественным, но, я думаю, современникам было совершенно ясно, что Платон и здесь продолжает защиту Сократа от обвинений Поликрата, — разумеется, в порядке литературной игры, вызванной некоторыми обстоятельствами литературных баталий в среде афинских интеллектуалов второй половины 380-х годов.

Если мы принимаем предположение, согласно которому основные пункты обвинения Поликрата отражены Либанием в *Апологии Сократа*, написанной от лица Анита²⁸, то в связи с *Пи-*

²⁶ Plat. *Symp.* 216c7–d4: εὗ γὰρ ἵστε ὅτι οὐδεὶς ὑμῶν τοῦτον γιγνώσκει· ἀλλὰ ἐγὼ δηλώσω, ἐπείπερ ἡρξάμην. ὄρατε γὰρ ὅτι Σωκράτης ἐρωτικῶς διάκειται τῶν καλῶν καὶ ἀεὶ περὶ τούτους ἔστι καὶ ἐκπέπληκται, κτλ. *Ibid.* 217b3–5: συνεγιγνόμην γάρ, ὃ ἄνδρες, μόνος μόνῳ, καὶ ὥμην αὐτίκα διαλέξεσθαι αὐτόν μοι ἄπερ ἄν ἐραστὴς παιδικοῖς ἐν ἐρημίᾳ διαλεχθείη, κτλ.

²⁷ *Ibid.* 217e7–218a2.

²⁸ Отказываться от этого предположения нет никаких серьезных оснований, хотя, разумеется, мы не можем с уверенностью сказать, насколько последовательно и полно Либаний воспроизвел текст Поликрата.

ром не может не привлечь нашего внимания следующее заявление обвинителя: Сократ избирал в собеседники только людей молодого возраста²⁹, и то, чем он с ними занимался втайне, еще хуже его явных злодеяний³⁰.

Трудно сказать, касался ли Поликрат отношений между Сократом и Алкивиадом именно в связи с этим обвинением, но в любом случае Платон, опровергая его, выбрал очень эффектный ответный ход. Если Исократ отметил (*Bus.* 5.9–13), что Поликрат нарушил законы обвинительной речи, сделав учеником Сократа Алкивиада, выдающегося, по всеобщему признанию, человека, так что можно подумать, будто он хотел его восхвалить; то Платон показывает, что точно также неуместны и намеки Поликрата на некие тайные отношения между Сократом и его учениками: их рассмотрение как раз выявит моральную безупречность Сократа. Поэтому Алкивиад в *Пире*, приступая к рассказу о своих до сих пор никому неведомых встречах с Сократом наедине, подчеркивает, что ему, поскольку он решил произнести похвальную речь Сократу, было бы несправедливо оставить в тени этот его самый блестательный подвиг³¹. При этом замечательно, что Алкивиад, словно забывая о жанре похвальной речи, вдруг обращается к судьям и говорит о том, что, мол, да, господа судьи, да,

²⁹ Liban. *Apol.* 117.1–2: τοῖς μὲν νέοις αὐτὸν διαλέγεσθαι, τοῖς πρεσβυτέροις δὲ οὐκ ἐθέλειν; 117.6–7: αὐτὸν φεύγειν μὲν τοὺς ἄνδρας, θηρεύειν δὲ τὴν νεότητα;

³⁰ *Ibid.* 114.1–5: ...Ανύτου πείθοντος ὑμᾶς δεινότερα τῶν φανερῶν τάφανή νομίζειν. εἰ γὰρ ᾧ μὴ κρύπτει, φησί, Σωκράτης, οὕτως ἀν εἴη βλαβερά, τίς ἀν εἴη καὶ τί συμβουλεύοι ἀν μόνους ἔχων τοὺς ἐραστάς; — Обратим внимание на μόνους ἔχων τοὺς ἐραστάς у Либания (Поликрата?): Алкивиад у Платона также ожидает увидеть в Сократе поклонника, но затем сам ведет себя как поклонник (ώσπερ ἐραστής); при этом Алкивиад подчеркивает, что расскажет о том, когда он и Сократ оставались одни (217b1: μόνος συνεγιγνόμην; b3–4: συνεγιγνόμην... μόνος μόνῳ).

³¹ *Symp.* 217e4–6: ἀφανίσαι Σωκράτους ἔργον ὑπερήφανον εἰς ἔπαινον ἐλθόντα ἀδικόν μοι φαίνεται. — Платон использует эпитет *ὑπερήφανον* (ср. ниже 219c6: τῆς Σωκράτους *ὑπερηφανίας*), обычно означающий осуждаемую гордость и заносчивость, а также роскошь, придает ему, вообще говоря, несвойственный ему смысл «сверхблестящий», «невероятно яркий» (ср. LS: rarely in good sense, *magnificent, splendid*), чтобы создать некий смысловой оксюморон: то, что произошло в полной тайне, было самым блестящим и ярким подвигом Сократа.

Сократ надругался над моей молодостью, потому что не обратил на нее никакого внимания, пренебрег ею и насмеялся над ней³²! Таким образом, если Поликрат в своем обвинении намекал на то, что Сократ, тайно встречаясь со своими поклонниками один на один, давал им непристойные советы и разворачивал их, то Платон в *Пире* продемонстрировал нравственную безупречность Сократа как раз во время этих никому не ведомых встреч Сократа и Алкивиада.

Это сопоставление *Пира* со свидетельствами о Поликрате мне представляется важным, поскольку *Обвинение Поликрата* можно считать весьма вероятным фоном для правильного понимания речи Алкивиада, а также потому, что с его помощью мы можем предложить ответ на вопрос, откуда взялся и почему получил такое развитие образ влюбленного Сократа. Но развернутый характер Платонова изображения в *Пире* и некоторые указания, содержащиеся в тексте речи Алкивиада, о которых речь пойдет ниже, заставляют думать, что едва ли Платон первым обратил внимание на отношения между Сократом и Алкивиадом как на выигрышную для литературной разработки тему. Естественным образом встает вопрос: не писал ли кто между 393 годом, когда Поликрат опубликовал *Обвинение Сократа*, и 385 годом, когда Платон пишет *Пир*, некие тексты, посвященные Алкивиаду и Сократу, на которые Платон так или иначе мог бы опираться в своем *Пире*? И поскольку известно, что об Алкивиаде и Сократе писали другие авторы, а именно, ученики Сократа Антисфен, Евклид и Эсхин³³, рассмотрим их.

3.2. Алкивиад Эсхина и Пир Платона

О текстах Антисфена мы знаем очень мало³⁴, о текстах Евкли-

³² *Symp.* 219c3–6: ...οὗτος τοσοῦτον περιεγένετό τε καὶ κατεφρόνησεν καὶ κατεγέλασεν τῆς ἐμῆς ὥρας καὶ ὕβρισεν — καὶ περὶ ἐκεῖνό γε φύμην τὶ εἶναι, ὡς ἄνδρες δικασταί· δικασταὶ γάρ ἔστε τῆς Σωκράτους ὑπερηφανίας, κτλ.

³³ См. *Claus Döring. The Students of Socrates // Donald R. Morrison (ed.) The Cambridge Companion to Socrates. Ch. 2. Cambridge University Press, 2011. P. 27–33.*

³⁴ Об Антисфене см. *Socratis et Socraticorum reliquiae* (SSR) 41.73 (cf. 43.5), а также

да — практически ничего³⁵; но по сохранившимся фрагментам из *Алкивиада* Эсхина можно предположить, что именно его и мог иметь в виду Платон в *Пире*. А именно, Эсхин мог привлечь внимание Платона, поскольку в своем *Алкивиаде* он использовал созданный Платоном в *Апологии* образ Сократа, который ничего не знает; фигура Эсхина примечательна еще и потому, что ему принадлежал диалог *Аспасия*, в котором Сократ представлен учеником Аспасии в любовной науке³⁶, а Сократ *Пира* изучал любовную науку у другой премудрой жены — Диотимы.

Алкивиад Эсхина — диалог, причем рамочный. Эсхин изображает в нем Сократа, влюбленного в Алкивиада, который с помощью Сократа осознает свое невежество; при этом Сократ считает, что может быть ему полезен не потому, что обладает знаниями, а потому, что он, будучи влюблен, может своей любовью помочь Алкивиаду стать лучше³⁷: так вакханты черпают молоко и мед там, где обычные люди не могут найти и воду.

Помимо этого в диалоге была весьма значительная часть, посвященная Фемистоклу: Сократ обличает незнание Алкивиада и рассказывает ему, какими знаниями, необходимыми для государственного мужа, обладал Фемистокл, и тем самым призывал

198–202. С *Пиром* можно соотнести сообщение Афинея (V 216b–c = SSR 200), согласно которому Антисфен говорил о наградах Алкивиада в битве при Делии то же самое, что и Платон, но оба лгали в угоду Сократу.

³⁵ Из шести диалогов Евклида, которые называет Диоген Лаэртий (Diog. L. 2.108.1–2), один — *Алкивиад*, другой — некая *Любовная речь* (‘Αλκιβιάδην, Ἐρωτικόν). И хотя ближе о них ничего неизвестно, но сам факт разработки тремя учениками Сократа некоего любовного топоса, включавшего фигуру Алкивиада, очень важен для понимания контекста *Пира*.

³⁶ Сократ, изображенный в рамке к Платонову *Менексену*, учился у Аспасии риторике, что также, вероятно, было в диалоге Эсхина (Barbara Ehlers. Eine vorplatonische Deutung des Sokratischen Eros. Der Dialog *Aspasia* des Sokratikers Aischines. München, 1966 (Zetemata 41). S. 64, 137).

³⁷ У Эсхина Сократ говорит (frg. 11a1–4 Dittmar = SSR VI A 53.4–8): Ἔγὼ δ' εἰ μέν τινι τέχνῃ φίμην δύνασθαι ὡφελῆσαι πάνυ ἀν πολλὴν ἐμαυτοῦ μωρίαν κατεγίνωσκον· νῦν δὲ θείᾳ μοίρᾳ φίμην μοι τοῦτο δεδόσθαι ἐπ' Ἀλκιβιάδην καὶ οὐδέν γε τούτων ἄξιον θαυμάσαι.

его учиться³⁸. У Эсхина, таким образом, налицо обычная у софистов элениктическая и пропретическая установка, которой ни в *Апологии*, ни в *Менексене*, ни в *Пире* нет.

Теперь вернемся к уже сделанному выше замечанию, что в *Алкивиаде* Эсхин использовал созданный Платоном в *Апологии* образ Сократа, который ничего не знает. У Платона этот образ совершенно понятен, поскольку он согласуется с главной установкой *Апологии*: Сократ не мог учить Крития и Алкивиада, потому что он вообще никого ничему не учил и ничего не знал. Отметим, что у нас при этом нет никаких свидетельств о том, чтобы эта тема развивалась кем-то до Платоновой *Апологии*: все утверждали, что Сократ — мудрец, начиная с Аристофана и завершая Дельфийским оракулом³⁹. Поэтому Эсхин, рисуя Сократа в своем *Алкивиаде*, вероятно, развивает эту тему с оглядкой именно на *Апологию* Платона, в которой, в частности, Сократ говорит, что завидует софисту Эвену, поскольку тот владеет искусством воспитания индивидуальной и гражданской добродетели, каковым искусством сам Сократ не владеет (20b9–c3: καὶ ἐγὼ τὸν Εὔηνον ἐμακάρισα εἰς ὡς ἀληθῶς ἔχοι ταύτην τὴν τέχνην... ἐγὼ γοῦν καὶ αὐτὸς... ἥβρυνόμην ἀν εἰς ἡπιστάμην ταῦτα· ἀλλ’ οὐ γὰρ ἐπίσταμαι), а также утверждает, что никогда никого и ничему не обещал научить и не учил (33b5–6: μήτε ὑπεσχόμην μηδενὶ μηδὲν πώποτε μάθημα μήτε ἐδίδαξα). У Эсхина Сократ понимает, что было бы глупо думать, будто он кому-то может помочь с помощью какого-нибудь искусства (frg. 11a1–2 Dittmar = SSR VI A 53.4–6: Ἐγὼ δ' εἰς μέν τινι τέχνῃ ὄμην δύνασθαι ὠφελῆσαι πάνυ ἀν πολλὴν ἐμαυτοῦ μωρίαν κατεγίνωσκον), и что он не знает такой науки, преподавая которую, он

³⁸ В ученическом *Алкивиаде I* (не раньше конца 60-х) Сократ (как и в *Алкивиаде* Эсхина) убеждает Алкивиада учиться политическому искусству.

³⁹ В *Апологии* Платону приходится бороться именно с мнением «Сократ — мудрый муж» (18b8: Σωκράτης σοφὸς ἀνήρ), распространившимся благодаря прежним обвинителям, поскольку все стали называть Сократа «этим именем мудреца» (23a3: ὅνομα δὲ τοῦτο λέγεσθαι, σοφὸς εἶναι), так что даже от лица Ликона Сократ говорит о себе «этот мудрец» (27a2: Σωκράτης ὁ σοφὸς).

мог бы помогать людям (frg. 11c5–6 Dittmar = SSR VI A 53.26–27: ἐγὼ οὐδὲν μάθημα ἐπιστάμενος δὲ διδάξας ἀνθρωπὸν ὡφελήσαιμ' ἄν).

Платон, презиравший Эсхина, был, я думаю, возмущен этим откровенным plagiatом. Поэтому основную тему речи Алкивиада он берет, как мы сказали, у Поликрата, но выстраивает свое речь с оглядкой на Эсхина. Воспроизведем в систематическом виде все пункты, по которым Платон спорит с *Алкивиадом* Эсхина.

1) У Эсхина (как и в *Апологии*) Сократ ничего не знает; но в *Пире* Платона Алкивиад подчеркивает, что Сократ только симулирует незнание⁴⁰.

2) У Эсхина Сократ ставит в пример Алкивиаду Фемистокла, у Платона Алкивиад говорит, что речи прочих политиков не трогают его по сравнению с речами Сократа⁴¹.

3) У Эсхина Сократ влюблена в Алкивиада (эта тема школьники уныло воспроизведена в позднем диалоге *Алкивиад I*), у Платона — Алкивиад влюблена в Сократа: Алкивиад ждет, что Сократ, оставшись с ним наедине, станет с ним говорить как влюбленный с предметом своей любви, но ничего подобного не происходит, и тогда Алкивиад начинает заманивать Сократа буквально как влюбленный заманивает своего любимца (217c7–8: ἀτεχνῶς ὥσπερ ἐραστὴς παιδικοῖς ἐπιβουλεύων). Мало того, Алкивиад объясняет, что в этом и состоит юность Сократа, потому что так он поступил не только с ним, но и с Хармидом, Евтидемом и многими другими: принимал вид влюбленного поклонника, но неизменно сам становился предметом поклонения⁴².

⁴⁰ Symp. 216d3–5: ἀγνοεῖ πάντα καὶ οὐδὲν οἶδεν... τοῦτο γὰρ οὗτος ἔξωθεν περιβέβληται.

⁴¹ Ibid. 215e1–7: ὅταν γὰρ ἀκούω [sc. Σωκράτους], πολύ μοι μᾶλλον ἢ τῶν κορυβαντιώντων ἡ τε καρδία πηδᾷ καὶ δάκρυα ἐκχεῖται ὑπὸ τῶν λόγων τῶν τούτου, ὥρω δὲ καὶ ἄλλους παμπόλλους τὰ αὐτὰ πάσχοντας. Περικλέους δὲ ἀκούων καὶ ἄλλων ἀγαθῶν ῥήτορων εὖ μὲν ἡγούμην λέγειν, τοιοῦτον δὲ οὐδὲν ἔπασχον, οὐδὲ ἐτεθορύβητο μου ἡ ψυχὴ οὐδὲ ἡγανάκτει ὡς ἀνδραποδωδῶς διακειμένου, κτλ.

⁴² 222b3–4: οὗτος ἔξαπατῶν ὡς ἐραστὴς παιδικὰ μᾶλλον αὐτὸς καθίσταται ἀντ' ἐραστοῦ.

4) У Эсхина ничего не знающий Сократ подводит Алкивиада к осознанию своих недостатков, у Платона Алкивиад, слушая некие речи Сократа, сам ищет способ услышать все, что тот знает (217a4–5: πάντ’ ἀκοῦσαι ὅσαπερ οὗτος ἔδει — без учета полемического контекста этот многознающий Сократ выглядит у Платона очень странно);

5) У Эсхина Алкивиад в раскаянии плачет на коленях Сократа, у Платона — бежит от него прочь, продолжая активнейшим образом заниматься государственными делами, поскольку дело происходит в 416 году...

О важности полемического подтекста для понимания речи Алкивиада свидетельствует и следующая деталь его речи. Алкивиад сравнивает Сократа с Марсием, действительным автором тех напевов, которые играл Олимп и которые даже в исполнении плохой флейтистки обнаруживают свою божественность (215b8–c6), и замечает, что речи Сократа производят впечатление на всех, даже когда их пересказывает совсем ничтожный рассказчик (215d4: ...ἄλλου λέγοντος, καν πάνυ φαῦλος ἢ ὁ λέγων). Это замечание очевидным образом подчеркивает полемический характер *Пира*, понятный современникам, и намекает на литературных соперников Платона, — в противном случае оно было бы ничем не обоснованным и потому решительно непонятным излишеством.

3.3. И снова Поликрат

Образы Аспасии в одноименном диалоге Эсхина и Диотимы из *Пира* Платона заставляют задаться следующим вопросом: чем был спровоцирован этот интерес афинских литераторов к мотиву некой женщины, наставлявшей Сократа в любовном искусстве (τὰ ἐρωτικά). На мой взгляд, провокатором и в данном случае можно считать Поликрата. Прекрасно понимая, что речь идет о предположении, которое едва ли возможно доказать, все же отваживаюсь высказать его как не невероятное.

В рассматриваемое нами время (с конца 90-х по конец 80-х) в Афинах имел хождение учебник эротического искусства, написанный гетерой Филенидой. Как первый учебник эротики, написанный женщиной, он быстро приобрел скандальную славу. Обратить внимание на этот учебник заставляет эпиграмма в хромых ямбах, написанная неким Эсхрионом, в которой говорится о том, что покрытая бесславием Филенида не была такой, как о ней рассказывают, и в частности, она не имеет понятия о том, что ей приписал Поликрат Афинянин, искусный в речах и злой на язык⁴³.

Трудно сказать, был ли Поликрат автором этого учебника *artis amatoriae*, который он приписал Филениде, но в любом случае он мог и на этот раз оказаться провокатором, который так или иначе привлек внимание к некой женщине — профессиональной наставнице в любовном искусстве.

В литературе о Сократе, хотя ее авторы и не всегда стремятся к правдоподобию (что прекрасно понимал уже Афиней⁴⁴), тему тут же подхватывают, и появляется подходящая по времени фигура знаменитой Аспасии, обучавшей Сократа не только риторике, но и любовному искусству⁴⁵. Платон, откликаясь на этот образ

⁴³ Έγώ Φιλαινίς ἡ ἐπίβωτος ἀνθρώποις // ἐνταῦθα γήρᾳ τῷ μακρῷ κεκούμημαι. // μή μ', ὃ μάταιε ναῦτα, τὴν ἄκραν κάμπτων // χλεύην τε ποιεῦ καὶ γέλωτα καὶ λάσθην. // οὐ γάρ, μὰ τὸν Ζῆν', οὐ μὰ τοὺς κάτω κούρους, // οὐκ ἦν ἄνδρας μάχλος οὐδὲ δημώδης. // Πολυκράτης δὲ τὴν γενὴν Ἀθηναῖος, // λόγων τι παιπάλημα καὶ κακὴ γλῶσσα, // ἔγραψεν, οἵ ἔγραψ'. ἐγώ γὰρ οὐκ οἶδα. Цитирующий текст эпиграммы и называющий имя автора Афиней (8.13.1–29 Kaibel = *Anth. Graeca* 7.345) сообщает, что этот текст под именем Филениды знал стоик Хрисипп, но и значительно позднее имя Филениды было популярно, о чем можно судить не только по Марциалу, но и по сохранившему папирусному фрагменту начала II века по Р.Х. (*The Oxyrhynchus Papyri*. Vol. XXIX. No. 2891), содержащему начало этого текста: «Филенида, дочь Окумена, написала ниже следующее... etc.» (URL: http://www.papyrology.ox.ac.uk/POxy/VExhibition/scribes_scholars/philaenis.html). Ср.: Niall Livingstone. Op. cit. P. 31.

⁴⁴ См. целую диссертацию, посвященную этому в *Пиরующих софистах*, V linebreak 55–63.

⁴⁵ Антисфен, не брезгавший самыми уродливыми гетерами (Xen. *Symp.* 4.38), в своей *Aspasii* пишет о любви Перикла к Аспасии (Athen. XIII 589 E = SSR V A

наставницы Сократа в эротике, решил и здесь противопоставить Сократа – наученного гетерой Аспасией охотника за юношами, Сократу, привлекавшему к себе юношей⁴⁶ своим возвышенным пониманием любви, которое он воспринял от некой Диотимы, якобы происходившей из того самого города, который был разрушен спартанцами во время написания *Пира*.

Почему Сократ оказался у Платона учеником мантинеянки Диотимы (*Symp.* 201d2: γυναικὸς Μαντινικῆς Διοτίμας), я думаю, совершенно понятно: имя «Диотима» указывает на бога, которого почитают философы, следующие за Зевсом (ср. Pl. *Phaedr.* 250b7–8: ἐπόμενοι μετὰ μὲν Διὸς ἡμεῖς, ἀλλοὶ δὲ μετ’ ἄλλου θεῶν; ср. *Symp.* 203b6: олицетворяющий философию Эрот был зачат в саду Зевса); «Мантинеянка»⁴⁷ указывает на Аполлона, чтимого как Платоновым Сократом, так и самим Платоном, сделавшим Сократа пифагорейцем.

Мне кажется, нужно хотя бы упомянуть об этом вероятном обыгрывании имени Диотимы из Мантинеи, потому что вкус Платона к такого рода игре хорошо известен: достаточно вспомнить, как в *Федре* Платон вводит вторую речь Сократа (234e9–244a3: ὁ μὲν πρότερος ἦν λόγος Φαίδρου τοῦ Πυθοκλέους, Μυρρινουσίου ἀνδρός· ὃν δὲ μέλλω λέγειν, Στησιχόρου τοῦ Εύφήμου, Ιμεραίου) и обыгрывает имя Диона (252e1–2: οἱ μὲν δὴ οὖν Διὸς δῖόν τινα εἴ-

143); в *Аспасии* Эсхина Сократ посещает Аспасию (frg. 19.1–2 Dittmar = SSR VI A 62.5, cf. frg. 29) и посыпает к ней сына Каллия Критобула (frg. 17.4 Dittmar = SSR VI A 62.3–5); и у Ксенофонта Сократ, слушатель Аспасии (*Mem.* II 5.36), предлагает познакомиться с ней Критобулу (Оес. 3.14), а сам наставляет гетеру Феодоту (*Mem.* III 11). Платон не любил Перикла и ни разу не упоминал о том, что Сократ общался с гетерами, в частности, с Аспасией, что для меня служит еще одним подтверждением того, что рамка *Менексена* – невыразительный диалог между Менексеном и Сократом, по скучности и искусственности сопоставимый с *Алкивиадом I* – не принадлежит Платону и написана значительно позднее.

⁴⁶ Ср. у того же Афинея (5.61.25–27): κυνηγεῖ οὖν ὁ καλὸς Σωκράτης ἐρωτοδιδάσκαλον ἔχων τὴν Μιλησίαν, ἀλλ’ οὐκ αὐτὸς θηρεύεται, ὡς ὁ Πλάτων ἔφη, λινοστατούμενος ὑπὸ Ἀλκιβιάδου.

⁴⁷ Ср.: Platon. *Le Banquet* / Trad. Luc Brisson, p. 28 («...le nom Diotima... comme “honorant Zeus”») и p. 30, n. 2 («...de Mantinée = ...(originaire) de Divination-ville»).

ναι ζητοῦσι τὴν ψυχὴν τὸν ὑφ’ αὐτῶν ἐρώμενον), а в *Пармениде* действует собеседником старца Парменида юного Аристотеля, одного из грядущих деятелей олигархического режима; я уже не говорю о той игре в имена, которую Платон затевает в *Кратиле*. В связи с этим обратим также внимание на сообщение Diog. L. 3.46.7–8 (ср. 4.2.2) о том, что из двух учениц Платона одна была из Мантинеи (Λασθένεια Μαντινική), причем Ямвлих включает ее в список последовательниц Пифагора⁴⁸.

Заключение

Рассмотрение трех текстов Платона, вероятнее всего написанных между 392 и второй половиной 380-х, позволяет предположить, что в это время Платон преимущественно занят публикацией речей, полемически заостренных против современных ему софистов (в частности, против Поликрата, Антисфена, Эсхина). В это время Платон не занят разработкой эленктической техники, хотя современные ему софисты очевидно упражняются в ней (в частности, эленктические мотивы несомненно были у Эсхина). У Платона диалог Сократа с Каллием в *Апологии*, беседа Диотимы с Сократом и отношения Алкивиада и Сократа в *Пире* не знают не только эленктики, но и связанных с эленктикой пропагандистских мотивов: в этих текстах как Платонов Сократ, так и сам Платон менее всего похожи на школьных учителей, подвергающихся испытаниям потенциальных учеников и их родителей, поскольку и Платонов Сократ принципиально ничему не учит, и у Платона еще нет школы.

Блистательно начав литературное творчество с *Апологии*, Платон в этой и последующих речах с легкостью демонстрирует свое очевидное превосходство над Поликратом, Антисфеном, Эсхином и, вероятно, другими софистами, писавшими о Сократе; при этом он охотно откликается на развивающиеся софистами темы и жанры, но покамест не на технику их бесед. Презирая мелкое и

⁴⁸ *De vita Pythag.* 36.267.73; при этом отметим, что вторая ученица Платона, названная Диогеном, Ἀξιοθέα Φλειασία, в список Ямвлиха не входит.

крохоборное искусство платных преподавателей, Платон публикует свой *Пир* как плод свободного от школарства гениального баловства, не мешавшего ему развивать свой взгляд на государство, человека, его бессмертную душу и ее загробное существование.

Но уже в *Федоне* мы застаем другую ситуацию: Платон начинает писать диалоги для своей школы и публиковать их опять-таки в своей школе⁴⁹, — теперь ему приходится ясно формулировать и доказывать то, что он безо всякого доказательства и в свободной форме излагал людям одного с ним круга в привычной обстановке аристократического клуба...

Федон — совсем близкий по времени, но уже новый этап платоновского творчества: время публикации речей в некоем свободном пространстве небольшого круга афинских интеллектуалов для Платона после *Пира* навсегда прошло. Платон ощущает свои обязательства перед кружком единомышленников, который все более приобретает черты постоянной школы: он пишет *Государство* как диалог, пересказанный самим Сократом, обсуждает его в рамках уже сформировавшейся школы, и ему приходится теперь как схоларху искать свою нишу среди прочих школ, существующих как в Афинах, так и за их пределами...

⁴⁹ Поэтому в *Федоне* сам Платон отсутствует (не проводить же ему время в компании Эсхина и Антисфена!), а Платонов Сократ-пифагореец беседует с пифагорейцами Симмием и Кебетом (не с Эсхином же и Антисфеном рассуждать о бессмертии души!).